

**Работы – победители конкурса
«А я люблю места родные...»**

1 место – работа Василия Владимировича Иванова

**ЧУЛЫМСКИЕ НОВЕЛЛЫ
ЗА КАЛИНОЙ**

Наш город имеет название Боготол, от одноимённого старинного села, в современной транскрипции Старый Боготол, что подтверждается и серьёзной разницей в годах – 1703 и 1893 годы. Теперешние их окраины отстоят друг от друга, не больше чем на два-три километра. Но по отношению к родительскому поселению, город расположен на возвышенности, с которой открывается великолепная панорама Аргинского хребта с его плавными изгибами или просто Арги, как её называют большинство местных жителей. Почему большинство? По тому, что малые дети ещё не понимают, где им посчастливилось родиться, а приезжие, ещё не прониклись счастьем, где они теперь живут.

Между Аргой и селом простирается пойма реки Чулым, прорезающей эту Малую долину, что и соответствует названию - Боготол. Кроме Чулыма, зеркальным блеском сияет старица – озеро Битятское и ещё множество безымянных озерков, которые в жаркое лето могут исчезнуть испарившись.

По старой привычке, я не еду в село в дребезжащем, как ведро с гайками пазике, а иду из города пешком. Бодро шагаю по обочине центральной улицы носящей название Кирова, которая как стрела летит к Арге, к Старому Боготолу, но самое главное, в сторону поймы Чулыма. В этом направлении окраина города отграничена ничем не приметным, кроме очень специфического запаха, застойным ручьем, густо поросшим рогозом и камышом, под названием Грязновка, явно подпитываемым очистными водами города.

Быстро и стараясь не дышать, проскакиваю Грязновку, поднимаюсь на взгорok и тут же начинаю плавный спуск, в сторону села и манящей меня поймы Чулыма. Город остаётся позади. Цель моего стремления, это калина, по которую я хожу не чаще одного раза в год, исполняя это как священный ритуал.

Шагается легко, я ничем не отягощён. В моей руке лишь старенькая плетёная корзина, которая вмещает не менее пятнадцати литров. Иногда мимо проезжает автомобиль, обдавая пылью, из которого сигналят: - «Подвезти?». Я отмахиваюсь: - «Не нужно». Мне в ответ тоже машут: - «Как хочешь».

Так не спеша и не заметно оказываюсь в центре села и заглядываю к своему старинному приятелю, бывшему школьному учителю, неизменному компаньону по сбору калины.

Он встречает меня на крыльце и без всякого приветствия: - «Ты не жди меня, иди пока я тут кое-что решу и догоню тебя. Встретимся как всегда на том же месте. Но без меня не начинай!».

Я не спрашиваю о причине его задержки, надо так надо, согласно киваю: - «Хорошо» и ухожу, хлопнув воротами, так, что стёкла в окне дома вздрогнули. Это я не по злобе, а как напоминание моему другу, чтобы не засиживался со своими «делами». Представляю, как он сейчас чертыхнулся или произнёс просторечную фразу, которую неприлично произносить, не то что печатать.

Не задерживаясь на длительные приветствия знакомых, иду к своей цели пересекаю две улицы и оказываюсь за околицей. Свернув к Чулыму, иду по колеистой разбитой дороге попутно с течением реки ещё с километр и оказываюсь в нужном мне месте уже несколько уставшим. Позади, километров шесть осталось, если считать от подъезда дома.

Метрах в двухстах от берега реки находится точка нашей встречи – большое дерево, выросшее, когда то из крошечного тополиного семечка.

Дожидаюсь моего приятеля-компаньона, я удобно сидел под большим старым тополем, раскидистым и высоким одиноко возвышающимся посередине небольшого пойменного луга. Толщина у основания, никак не меньше двух обхватов взрослых мужчин. Его кора была серой, с глубокими продольными трещинами, похожими на миниатюрные овраги. В этих углублениях можно рассмотреть поселившуюся разную насекомую мелюзгу - каких-то куколок бабочек, запутавшихся в паутине высохших комаров и мошек, самих спящих паучков. Это был их большой дом с чуланами и закутками.

Погода сегодня задалась необыкновенная. С раннего утра на небе не появилось ни облачка. День стоит солнечный, с серебристыми паутинками, которые летают в начале сентября. Купол небосвода абсолютной чистоты, пронзительной голубизны и бесконечной глубины опирается краями на извилистую линию горизонта. Воздух хрустально прозрачный, почти неподвижный. Нити паутинок медленно и невесомо плыли и блестели, материализуя солнечный свет. Длинные травинки едва заметно покачивались, показывая, что воздушный эфир все же имеет движение. Лишь изредка, легчайший ветерок пуховым перышком гладил лицо.

Луг, где почти в центре и стоит наш тополь, трава давно скошена, сено вывезено, осталась лишь сухая стерня. По краю поляны буйно растут разного рода деревья и кустарники. Листья с них почти облетели, оголив прихотливый рисунок сучьев, веток и прутьев. Чаша кажется такой непролазной, что в ней должен бы застревать даже воздух. Среди этого хаоса переплетений видны красные плоды калины, оранжевые рябины, темно-багровые шиповника, свисают шишечки желтого хмеля, который опутывал некоторые кусты и деревца до самой макушки.

Тишина окутывала и убаюкивала. Изредка попискивала какая-то птица, вторгаясь в это царство тишины. В этом безмолвии иногда слышится лёгкое шуршание, где то почти у подошв моих башмаков. Это мышки-полевки невидимо бегают по своим невидимым мне дорожкам. Крепче прижимаюсь спиной к шершавой коре тополя, ощущаю его живую прохладу. Сколько же путников и бродяг сидели здесь устало расслабившись? О чем они думали? В какую сторону смотрели? Наверное, вот так же привалившись к дереву, как

и я, затихнув, начинали дремать, отдавшись усталости и истоме. Или может быть, перекусывали незатейливыми припасами, решая, в какую сторону продолжить свой путь.

Так я сидел и размышлял, дожидаясь своего давнишнего приятеля по походам по лесам и долам. Мы условились встретиться под этим самым приметным тополем. Но в договоренное время он не пришёл. Мне представлялось, что мой товарищ, по своему обыкновению выбрав короткий путь, плутает по кустам, продираясь через переплетения веток и хмеля. Наверное, торопясь вламывается в заросли шиповника и ещё жгучей крапивы, ошпарено пятится и ищет новые проходы в лабиринте зарослей. Возможно, споткнувшись о валежину, которую он не заметил, падает, чертыхается, встаёт и продолжает идти на пролом.

К тому же в этой местности и заблудиться легко. Возвышенностей выше кочки здесь не сыщешь. Те стройные, высокие черемухи или талины, которых вокруг полно, легко согнутся под тяжестью среднего человека. Таких громадин, как этот тополь по пальцам можно пересчитать, да и влезть на него тоже непростая задача, ближайшие толстые ветки находятся не менее трёх метров над землей. Взобраться на такое большое дерево невозможно одному, да и с посторонней помощью непросто.

За этими местами закрепилась дурная слава. Не мало, местного народу поблудило в этой пойме, невообразимо заросшей мелколесьем, с редкими полянами, кочковатыми болотцами, высохшими протоками с наполненными грязью дном и ещё более редкими большими тополями, да сучковатыми кривыми ёлками. Зверья опасного для людей здесь никогда не водилось. Так что, погибнуть от их клыков не представлялось возможным. Чуткие зайцы прятались в кустах и траве, стараясь не попадаться на глаза. Птицы тоже не садились на голову, держались на изрядном расстоянии от любого чужака.

Местные жители эту пойму называют Забокой. Забока находится под боком нашего села, то есть почти за огородами через речку, имеющую современное название Фузея, но которую раньше, не иначе как Задней не называли. А луговина, что лентой простирается между огородами, речкой и краем Забоки были задАми. Телят пастись выгоняли на задА, гусей тоже в Заднюю речку на задА поплавать.

Так вот, в этой Забоке, даже опытные старожилы иногда часами плутали, выходя к незнакомым местам в нескольких километрах от того места, где входили. Что же толкало и толкает многих в скитания по этим благословенным местам, то есть по Забоке? Виной тому всегда была ягода-калина, что в изобилии растёт в этой пойме.

Наконец послышались торопливые шаги, вернувшие меня в реальность из марева дрёмы и медленных мыслей. Вид моего приятеля был слегка потрепанным. К его видавшим виды штанам прицепились кругляши репья, соломинки и другой лесной мусор. К кроссовкам прилипла свежая грязь. Лицо было потное, раскрасневшееся, соломенного цвета волосы взъерошены, в них застряли чешуйки коры, какие-то мелкие листики. Портрет завершала

неглубокая царапина, прочертившая правую щеку. Всё подтверждало моё предположение о его прямом пути через лес к месту встречи.

Он громко дышит, отряхивает с одежды мусор.

- «Привет, давно ждешь? - и, не дожидаясь ответа

- «Да вот решил крюк спрямить, но, кажется, взял лишнего влево и попал в почти пересохшую протоку и вляпался в грязь. Потом целая поляна шиповника попалась, пришлось обходить. Дёрнул же нечистый меня пойти этим путем!»

Я слушал его рассказ о злоключениях, о чёрте, который явно где то здесь живет и уводит путешественника с правильного пути и подумал о дурной голове, которая ногам покоя не даёт. Посмеялись над его неисправимостью в поисках самых коротких путей. Потом обсудили поговорку, о том, что самый короткий путь, тот который знаешь.

Поговорив так, двинулись в сторону опушки зарослей у одного из краев луга, где густо краснели кусты калины. Каждый такой куст достигает в высоту двух-трех метров и может расти большой куртиной. Сначала пришлось продираться через заросли старой крапивы, местами еще не засохшей и жгучей, то и дело, натываясь на притаившиеся отдельные прутики колючего шиповника. Ткань штанов является слабым препятствием, а колючки шиповника достигая тела, заставляют искать не прямой путь к цели. Но красные ягоды как магнит притягивают нас и призывно манят. Мы быстро перестаём обращать внимание на мелкие уколы и цепкий репей, рвёмся к ставшему уже вожаком кусту.

Калина ягода осенняя. Созревает она, не спеша, в сентябре-октябре. Из зелёных, твёрдых, невзрачных горошин, калина превращается в притягивающие алостью ягоды. Собирать калину легко, с одного среднего куста быстро набирается ведро или емкая корзина всего за час-полтора. Калину многие считают ягодой не серьёзной, не достойной внимания, даже бросовой.

Подходим к очередному большому кусту калины. Какая же это красота! Ягоды свисают гроздьями особенного красно-прозрачного цвета. Этот цвет можно сравнить разве что с очень чистым красным кораллом или прозрачным рубином. Гроздь калины состоит не менее чем из двух десятков ягод и с трудом входит в горсть. Каждая ягодка гладкая, блестящая, идеальной круглой формы. Против солнца, когда зрелые ягоды просвечивают насквозь, видны косточки, как будто зародыши в икринках. На ощупь спелые ягоды упругие, но если приложить усилие превосходящее крепость шкурки, ягодки лопаются и стекают по пальцам красным густым соком. Как не был бы осторожен при сборе, руки всегда будут красными и мокрыми от сока, а лицо в красную крапинку от брызг.

Манит эта ягода своей красотой, но вкус у нее горьковатый. Лучшее качество этой ягоды выражает поговорка: - «Говорила калина: - Ах, я с мёдом хороша! Мёд ей отвечал: - Я и без тебя хорош».

Так что, собирая такую ягоду, следует помнить о паре к ней - мёде или сахаре. Другой кулинарный вариант подготовки калины, это калина пареная, но

тоже требует сладкой добавки. Если пирогов с калиной попробуешь, хоть разок, точно ни никогда не забудешь этого вкуса и лопающихся на зубах косточек-семянок!

А уж песен то, сколько сочинено о калине. Одна «Калинка-малинка!» чего стоит или - «Ой стоит калина в поле у ручья». Даже Василий Шукшин назвал свое знаменитое произведение - «Калина красная». Ни одна ягода не требует подтверждения, что она ягода, а вот калине это необходимо - ягода-калина.

Пожалуй, следовало бы ввести праздник любования красной калиной, по примеру праздника любования цветущей сакурой у японцев. Начали бы приезжать в наши края туристы из теплых стран, что бы приобщиться к красоте и покушать пареной калины, пирогов с ней, что бы потом рассказывать соплеменникам о прекрасном обычае боготольцев, любоваться красной калиной. Слово Забока, стало бы нарицательным, синонимом красной калины.

Но мы отклонились от главного - сбора калины. Подбравшись к кусту, мы начали обирать самые крупные гроздья, сначала с нижних веток, потом согнули, более высокие и тоже собрали с них лучшие гроздья. Быстро перешли к другому кусту, и повторили тот же вариант снятия урожая, почти без изменений. Так переговариваясь, мы переходили от куста к кусту, по тому, что каждый последующий куст казался более ягодным, чем предыдущий.

Наконец, удовлетворив первую страсть, мы остановились, присели на упавший почти трухлявый ствол, давно упавшего тополя отдохнуть. Потом осмотрелись и обнаружили, что горизонта нет. Пространство ограничено несколькими метрами и пронизано разной толщины ветками, сухими стеблями трав и прочей невзрачной частично засохшей растительностью. Решаем, что пора бы выходить туда, откуда зашли, тем более наши емкости почти наполнены и изрядно потяжелели. Встаем, отряхиваемся и ... дружно показываем в разные стороны. Куда идти? Тут же вспомнили историю о старом школьном учителе Акимыче, прожившем в этих краях всю жизнь и исходившем Забоку вдоль и поперек, но и того чёрт закружил однажды.

Дело было так. Собравшись за калиной он конечно прихватил самую большую корзину, не положив в карман и кусочка хлеба, вошел в Забоку утром, рассчитывая выйти через пару часов, а вышел только вечером, ошалев от плутания и голода неподалеку от того места где входил. Выйти-то вышел, но поблазилась ему эта местность совсем незнакомой. Начал ошарашенно оглядываться, ища знакомые приметы и не найдя запаниковал совсем.

- «Куда вышел? Куда попал?»

И показалось ему, что находится он километрах в тридцати от того места где входил в Забоку. Вдруг увидел идущую женщину и не узнав односельчанку, искавшую блудливого теленка, бросился к ней с криком.

- «Где я?»

Чем преизрядно её напугал.

Дома в это время, у него тоже возник немалый переполох, жена уже голосила на всю улицу.

- «Потерялся! Пропал? Где теперь его искать? Что с ним случилось? Детей надо вызывать!»

Ага, одного из Москвы, другого из Хабаровска. Мужиков соседей собиралась звать прочесывать Забоку, в милицию звонить.

История эта сильно тогда прогремела по селу, немало повеселив местный народ и укрепив его во мнении, что живет в Забоке чёрт-шутник. Многие начали поговаривать, что Акимыч, однажды нехорошо отозвался о нём, и даже усомнился в его существовании, вот и прогневал нечистого. Тот же таким способом проучил невера и наказал его, закружив почти на одном месте. Закрыл ему дорогу домой в трех шагах от выхода. Некоторые теперь идя в лес, пытаются задобрить плута-охранника Забоки, ласковыми словами и угощением, что берут с собой для перекуса и оставляют крошки на земле.

Вспомнив эту историю, мы решили выходить по достаточно приметному ещё пути, где мы же и прошли, ломая и круша нестойкую сухую крапиву, ветки, сминая траву, обходя кусты калины с которых ещё недавно обрывали ягоды.

Удивительная картина представилась нашим глазам - сколько мы ни обрывали ягоду-калину, её уменьшилось ненамного. Можно конечно было бы, не отходя от одного-двух кустов наполнить наши ёмкости, ведро и корзину этим сочным, красным великолепием. Но такой способ сбора калины подходит только малоподвижным старушкам да мамкам с детьми. Не было бы тогда риска потерять ориентиры, заплутать, запаниковать, впасть в отчаяние, выбраться из трущобы, наконец, испытать счастье спасения! Да и куда девать азарт поиска лучшей ягоды? А что делать со щемящим чувством свободы – куда двинуться дальше? Как испытать радость поиска и достижения лучшего куста с самой крупной ягодой-калиной?

Мы с приятелем благополучно завершили своё путешествие и сбор калины у того же тополя. Посидев немного, мы двинулись в обратный путь, неспешно переговариваясь на ходу.

Наши рассуждения привели к умозаключению, что лучшая ягода та, которую ещё не сорвал.